

ЦЕННОСТНЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ 1914 ГОДА И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Ольга Сергеевна Поршнева,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
o.s.porshneva@urfu.ru

Получена 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 16.08.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Поршнева О. С. Ценностный смысл войны в российском дискурсе 1914 года и современная политика памяти // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_8

Аннотация

Статья посвящена исследованию преемственности ценностных оснований российской идентичности, их репрезентаций в периоды войн в общественно-политическом дискурсе и политике памяти. В качестве методологии рассмотрения проблемы предлагается обновленная версия цивилизационного подхода, достижения *memory studies* и политологии в изучении политики памяти и ее взаимосвязи с национальной идентичностью. Исследован общественно-политический дискурс 1914 г., отражающий понимание целей, смысла борьбы России с Германией и ее союзниками в условиях начавшейся Первой мировой войны. Обосновано, что война виделась как противостояние ценностей, борьба с антихристианскими тенденциями Запада, воплощенными в политике Германии. Показано использование в политике памяти в 1914 г. образов Отечественной войны 1812 г., прошлых войн с «тевтонами» для обоснования освободительной миссии России. Проанализировано исполь-

© Поршнева О. С., 2023

зование образов Первой мировой и других войн в современной политике памяти. Показана ее активизация с 2022 г. Как и в 1914 г., борьба России репрезентируется как противодействие порожденному Западом злу, защита истинных христианских ценностей. Но в отличие от дискурса 1914 г., в котором Германия репрезентировалась как воплощение перерождения Запада, а Россия входила в коалицию западных держав, в современном дискурсе позиция объединенного Запада представляется как результат его перерождения. Общее и различия в дискурсах 1914 г. и современности подтверждают связь истории с актуальным настоящим, «задающим вопросы» прошлому, преемственность базовых элементов ценностной структуры российской цивилизации и национальной идентичности.

Ключевые слова:

дискурс 1914 г., ценностный смысл войны, Россия, Запад, политика памяти, современная политика памяти.

UDC 32

DOI: 10.17506/18179568_2023_4_8

THE VALUE MEANING OF THE WAR IN THE RUSSIAN DISCOURSE OF 1914 AND THE MODERN POLITICS OF MEMORY

Olga S. Porshneva,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
o.s.porshneva@urfu.ru

Received 17.07.2023.

Revised 16.08.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Porshneva, O. S. (2023). The value meaning of the war in the Russian discourse of 1914 and the modern politics of memory. *Discourse-P*, 20(4), 8–26. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_8

Abstract

The article reveals the continuity of the value foundations of Russian identity, their representations in periods of war in the socio-political discourse, and the politics of memory. The methodology proposed for addressing the issue is an updated version of the civilizational approach, drawing on the insights gained from *memory studies*

and political science in the research of the politics of memory and its interconnection with national identity. The socio-political discourse of 1914 is examined, reflecting the understanding of Russia's goals and the meaning of its struggle against Germany and its allies during the onset of the First World War. It is argued that the war was seen as a confrontation of values, a struggle against the anti-Christian tendencies of the West embodied in Germany's politics. The use of images from the Patriotic War of 1812, past wars with the "Teutons" to justify Russia's liberating mission is shown in the politics of memory of 1914. The use of images from the First World War and other wars in the modern politics of memory is analyzed. Its intensification since 2022 is highlighted. Similar to 1914, Russia's struggle is represented as resistance to the evil spawned by the West, the protection of true Christian values. However, unlike the discourse of 1914, where Germany was portrayed as the embodiment of Western degeneration and Russia was part of the coalition of Western powers, in the modern discourse, the united position of the West is presented as a result of its degeneration. The commonalities and differences in the discourses of 1914 and the present confirm the connection between history and the current reality, "posing questions" to the past, and the continuity of the basic elements of the value structure of Russian civilization and national identity.

Keywords:

Discourse of 1914, value meaning of war, Russia, the West, politics of memory, modern politics of memory.

Введение

Актуальность проблематики мемориализации Первой мировой войны в современных условиях определяется не только научными обстоятельствами (Артизов и др., 2014, с. 8), но и новыми общественными запросами, обусловленными, в частности, противостоянием России и Запада. В чем причины их повторяющихся столкновений в ходе двух мировых, наполеоновских, Крымской войн? Таким вопросом задаются публицисты, политологи, общественные деятели, апеллируя к исторической памяти о войнах, в том числе Первой мировой, к образам прошлого. Историкам, в свою очередь, важно понять, как представляется борьба России с внешними врагами в современной российской политике памяти, каковы элементы преемственности между синхронными и актуальными трактовками этого противостояния, каковы объяснения данной преемственности.

Методологической основой научного осмысления обозначенных проблем может стать, на наш взгляд, обновленная версия цивилизационного подхода, предлагаемая А.В. Лубским. Автор разработал коммуникативно-герменевтическую концепцию локальных цивилизаций как новое теоретико-методологическое основание их исследований, обосновал параметры локаль-

ной цивилизации. Среди них выделен спатильный параметр, предполагающий не только определение ареала цивилизации, но и выявление особенностей символического универсума, или единого нормативно-ценностного пространства, основаниями которого выступают религия, культура, идеология, государственность. Эти основания, называемые «цивилизационной матрицей», отмечает автор, задают базовые принципы социальных взаимодействий внутри локально-исторической общности, ее отношений с окружающим миром и природной средой. Тем самым цивилизационная матрица объединяет локально-историческую общность в единое целое и делает ее уникальной (Лубский, 2016, с. 68).

Другим теоретическим арсеналом, оснащающим исследователя политики памяти и идентичности, является совокупность достижений *memory studies*. Так, А. Ассман подчеркивает возможность «переформатирования» образа прошлого с помощью инструментария политики памяти, что связано с самой природой коллективной памяти, которая «на самом деле не память, не воспоминание, а условность, конвенция, соглашение: вот это важно, и вот это и есть история о том, как это случилось, с иллюстрацией в виде картинки, закрепляющей эту историю в нашем сознании» (Ассман, 2014, с. 27). При этом аффективное усвоение собственной истории через исторический миф, как отмечает А. Ассман, является одним из наиболее эффективных инструментов конструирования идентичности сообществ (с. 39).

Изучение политики памяти в отношении Первой мировой войны на материалах России, Франции, Великобритании и Германии показало, что она является важнейшим механизмом формирования представлений об этом эпохальном событии, за счет использования ее акторами стратегий концептуализации, комеморативных, в том числе юбилейных, практик (Поршнева, 2020).

Исследование взаимосвязи политики памяти и политики идентичности, предпринятое О. Ф. Русаковой, позволяет сделать вывод о дискурсе государственной политики памяти как основополагающем факторе формирования российской национальной идентичности (Русакова, 2023). Определение автором государственной политики памяти в качестве «сложно структурированной и динамично действующей системы механизмов, производящих конструирование в массовом сознании представлений о ценностном характере общего для россиян исторического прошлого» дает возможность понять ее роль в выработке мировоззренческих и духовно-нравственных установок, образующих в своей структурной целостности российскую идентичность (с. 47).

Исследователи памяти обращают также внимание на невозможность произвольного конструирования образов прошлого и на их природу, обусловленную исторической культурой обществ. Эта культура, как отмечает Л. П. Репина, не только порождает и питает официальное историописание эпохи, подвергаясь его обратному воздействию. Она состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и ненарративные типы дискурса. Она выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения, например,

в способе разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу (Репина, 2011, с. 473–474).

Понятие исторической культуры нацеливает на выявление и анализ тех дискурсов в прошлом, способов мышления и разрешения конфликтов, которые воспроизводятся в модифицированном виде в сходной исторической ситуации, воплощая устойчивые элементы национальной идентичности, историко-культурного континуума цивилизации, ее базовые ценностные основания.

Российский опыт участия в Первой мировой войне, помещенный в контекст истории XX в. и событий начала XXI в., позволяет выявить ряд таких устойчивых элементов. Они могут быть идентифицированы в общественно-политических дискурсах периода войны, посвященных осмыслению и обоснованию целей, миссии России в войне, смысла противостояния, роли нашей страны в будущем Европы и мира. Наиболее концентрированно эти элементы представлены в информационном и коммуникативном пространстве 1914 г., в особо эмоциональном формате воплощающем реакцию российского общества на начавшуюся войну.

**«Начавшись борьбой сил материальных – так многим казалось
вначале – она переходит в борьбу идей»**

Оформление на рубеже XIX–XX вв. двух противостоящих блоков великих держав – Тройственного союза в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии (1878–1882 гг.) и Антанты, или Тройственного соглашения (1891–1907 гг.) – стимулировало процесс формирования систем общественных представлений о целях, потенциальных противниках и союзниках государств в предстоящей борьбе. Он происходил в контексте осмысления интересов государств, меняющейся расстановки сил на международной арене, являясь одновременно результатом сознательного конструирования политическими и интеллектуальными элитами образа предстоящего противоборства.

В то время в европейских странах получили широкое распространение империалистические и социал-дарвинистские воззрения, утверждались представления о «естественном» характере борьбы за существование между нациями и расами, в итоге которой «лучшие» (европейские, белые, «арийские») элементы будут преобладать (Jelavich, 1999, p. 43). Для интеллектуалов, деятелей культуры, молодого поколения в Европе в предвоенный период был характерен энтузиазм по отношению к идее войны, они были убеждены, что в огне войны возродятся и получают импульс к новой жизни их национальные культуры (Wohl, 1979; Davis, 2003, p. 123). Европейская культурная элита в целом накануне 1914 г. в большой степени разделяла идею духовности войны, которая рассматривалась, особенно в Германии, как проверка духа, жизненности культуры и национального уклада (Jelavich, 1999, p. 43).

В России своеобразная идейно-психологическая подготовка к назревающему противоборству выражалась в пересмотре в сознании образованного российского общества «ментальной карты» Европы как следствия изменения

внешнеполитического курса после заключения Тройственного и Франко-русского союзов. Как справедливо отмечает О. Ю. Малинова, конструирование образов новых «Друзей» и новых «Врагов» предполагало ревизию сложившихся «репертуаров смыслов». Наиболее очевидным направлением был перенос негативных оценок Запада на образ Германии и поиск признаков культурной общности и/или прагматических оснований для солидарности с Англией и Францией (Малинова, 2009, с. 208).

После вступления России в войну, что официально произошло 19 июля 1914 г., обоснование ее справедливого характера велось с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Николай II в Высочайших манифестах от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией обозначил причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единокровных братьев-славян»¹. Тот факт, что Германия первой объявила войну России, активно использовался для обоснования оборонительного характера ответных действий.

В условиях патриотического подъема начала войны эти представления получили яркое воплощение в концепте «Вторая Отечественная война», транслировавшемся различными изданиями. Он включал идеи об ответственности Германии, стремящейся к мировому господству, за развязывание войны, о ее причинах, обусловленных политикой «агрессивного германского милитаризма»². Наиболее распространенной аналогией Великой войны как «Второй Отечественной» стала Отечественная война 1812 г.³ Антигерманская коалиция по своему значению и целям ассоциировалась с антинаполеоновской, а России отводилась особая историческая роль и высокая освободительная миссия, сродни той, которую она сыграла в 1812–1815 гг.: «Три сильных державы – Франция, Россия и Англия, силою вещей сблизилась с тем, чтобы положить конец угрозе мира. В начале XX в. повторилось то же положение, что имело место сто лет тому назад. Тогда Европа соединилась против Наполеона, теперь она соединилась против Вильгельма... Как и тогда, главная тяжесть борьбы с общим врагом падает на Россию. Как и тогда, Россия не только защищает свое дело. Она защищает вольность, честь и мир Европы»⁴.

Важной составляющей официальной пропаганды и общественно-политического дискурса стало обоснование «сакрального» характера противоборства, идеи выполнения Россией особой, священной миссии – защиты славян,

¹ *Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией* (1914). Петроград: Типография В. Ф. Киршбаума. С. 1.

² *Оренбургская газета* (1914, 24 сентября); *Пермские ведомости* (1914, 1 августа); *Пермские ведомости* (1914, 8 августа); *Оренбургская жизнь* (1914, 1 августа).

³ *Вестник Европы* (1914). № 8. С. 423, 427; *Петроградские ведомости* (1914, 24 августа). № 191; *Московские ведомости* (1914, 23 июля). № 170; *Московские ведомости* (1914, 25 июля). № 172; *Биржевые ведомости. Вечерний выпуск* (1915, 19 июля).

⁴ *Альбом героев войны* (1914). № 1. С. 5.

Европы и мира от «германизма». Последний ассоциировался с жестокостью, стремлением к завоеваниям, националистическим высокомерием, отрицанием христианских ценностей⁵. Рациональные мотивы переплетались с политикорелигиозными символами и мифами. В прессе говорилось о религиозно-нравственном смысле войны как о гигантском борении сталкивающихся сил, имеющем глубинный смысл «сотворения нового через Апокалипсис», о призвании России, в соответствии с промыслом Божиим, «совершить свой жертвенный подвиг, сокрушить злые силы германизма»⁶.

Понимание значения начавшейся войны как эпохального события гигантского масштаба, исторического водораздела было характерной чертой общественно-политического дискурса: «Война – начало новой эпохи в жизни Европы, новой страницы истории, на карту поставлена судьба великих народов Европы. Дело идет обо всем будущем, от текущего момента зависит жизнь и смерть целых государств», – писали «Московские ведомости»⁷.

Религиозное понимание противоборства находило воплощение в распространении символической категории борьбы за «правду» «Святой Руси»⁸. В патриотических брошюрах, православных изданиях, клише газетных публикаций этот символизм находил яркое воплощение: «Россия борется за Богом благодолженную правду»⁹, «Русь всегда боролась на правое дело, за справедливость»¹⁰, «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»¹¹. Эти символы-мифы национального самосознания имели глубокую культурную укорененность, оказывая влияние на восприятие событий. Среди крестьян были популярны создававшиеся в традиционном стиле лубки, которые они вывешивали в избах рядом с иконами и изображениями святых. Лубки воплощали сакральное видение войны как события космического масштаба, испытания, посланного Богом. Многочисленные плакаты использовали современные версии традиционного изображения святого героя верхом на белом коне для обозначения героизма и создания образа справедливой войны. Такие плакаты воспроизводились в виде открыток, которые, как и лубки, развешивались на стенах домов в городе и деревне (Petrope, 1998, p. 98).

В популярной брошюре «Россия борется за правду», где приводились многочисленные исторические примеры борьбы немцев против славян и России, делался вывод: «Немцы ненавидят французов – это великая вражда... немцы ненавидят англичан, грандиозный флот которых мешает Германии стать

⁵ Тихомиров, Д. И. (Ред.). (1914). *Великая война России за свободу и объединение славян*. М.: Редакция журнала «Юная Россия». С. 133; *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 4.

⁶ *Зауральский край* (1914, 30 ноября).

⁷ *Московские ведомости* (1914, 22 июля). № 169.

⁸ *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ *Великая война 1914 года* (1914). Петроград: Благовещенское издательство. С. 4.

владычицей морей, но особенно немцы ненавидят Россию, покровительницу и защитницу всего славянского мира... для немца славянин – заклятый враг»¹². Ставилась задача «освободить Европу от варварского нашествия гуннов XX века»¹³. Тема «вековой борьбы славянства и германизма» освещалась в другой брошюре также с опорой на исторические примеры: Александр Невский, борьба за выход в Балтийское море, Ливонская война; предлагалось рассматривать настоящую войну в контексте исторической борьбы России за свободу славян и их воссоединение, ради общечеловеческой культуры, блага человечества»¹⁴. Апелляция к памяти о победах и великом прошлом России содержалась и в пассаже популярных «Московских ведомостей»: «Это именно нас тевтон решил выбросить из числа великих держав, и свести на нет все величие, всю славу нашего прошлого. Русскому народу был брошен вызов в такой форме, что его нельзя было не принять»¹⁵. Обращение к историческим образам использовалось и для объяснения исторических корней «немецких зверств», причина которых, по мнению публицистов, – главенство Пруссии и прусской династии. Как отмечал автор «Московских ведомостей», еще Екатерина II писала о «прусском ярме», которое «сопряжено со всем тем, что может быть придумано пакостного и несносного»¹⁶.

В газете «Отечество» утверждалось, что цель войны – победа *отличных от тевтонских ценностей и нравственных принципов* (здесь и далее курсив в цитатах наш. – О. П.) путем утверждения России в Европе, освобождения ее от немецкого влияния, насаждающего в России государственность, чуждую духу русского народа. «Мир борется с Германией не только за рынки и за право господства. Ведется борьба против крайностей материальной культуры, что создала Германия. Мы боремся за иные принципы сожителства людей»¹⁷. Публицист «Отечества» подчеркивал: «Начавшись борьбой сил материальных – так многим казалось вначале – она переходит в борьбу идей»¹⁸.

Представители неославизма, деятели Московского религиозно-философского общества – Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн и др. – встраивали идеи о религиозно-нравственном смысле войны в концепцию национальной миссии России. Так, В. Ф. Эрн оценивал миссию России как спасение «подлинной» христианской Европы от ее переродившегося двойника: «То, что заставило Европу восстать на Германию и Германию восстать на Европу, имеет глубокие и универсальные корни. Лицом к лицу тут встречаются... Европа

¹² *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 6–11.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Тихомиров, Д. И. (Ред.). (1914). *Великая война России за свободу и объединение славян*. М.: Редакция журнала «Юная Россия».

¹⁵ *Московские ведомости* (1914, 22 июля). № 169.

¹⁶ *Московские ведомости* (1914, 1 октября). № 227.

¹⁷ *Отечество* (1914, 2 ноября). № 1. С. 5.

¹⁸ Там же.

и ее двойник... Итак, Германия – Европа? и те ужасы, зверства... – все это тоже Европа, тоже проявление ее исторической сущности?»¹⁹. Россия, отмечает мыслитель, «впервые за все века своего существования... *помогает Европе укоротить зверя, которого она вырастила в лице Германии*»²⁰. С. Н. Булгаков писал о борьбе России с «германизмом» как концентрированным выражением духа новоевропеизма, духовных основ мещанства, узкорациональных начал²¹. «Россия – существенная и необходимая часть духовного организма Европы, призванная к духовной самобытности», должна, по мысли философа, *спасти Запад от духовного вырождения*»²².

Идеи «Святой Руси» использовались национал-либералом П. Б. Струве в его попытках обосновать цели России в войне. В статье «Великая Россия и Святая Русь» он предложил толкование, в соответствии с которым борьба за великую Россию в союзе с западными державами будет направлена на реализацию имперских задач на новой основе представительного строя и правового порядка. В то же время духовной почвой российского государственного и имперского идеала, по мнению П. Б. Струве, является идея Святой Руси, которая не противоречит целям, провозглашенным державами Согласия, и позволит поэтому народу бороться за их осуществление, неразрывно связанное с реализацией Россией ее собственного славянского предназначения²³.

Процессы «национализации сознания» европейских народов, роста национализма и шовинизма осмысливались публицистами популярных изданий: «На глазах у нас всех происходит колоссальное нарастание национальных тенденций и сопутствующего им шовинизма во всех европейских государствах... они нашли себе соответствующее выражение в идейных представлениях широких масс», – констатировалось в «Альбоме героев войны»²⁴.

В литературе, посвященной вопросам веры, осмысливалось влияние учения Ф. Ницше на немцев: «В морали Ницше немцы нашли свою родную мораль и в самых широких масштабах применили ее к войне. Добродетелями этой морали сильных считаются не только сила, храбрость и презрение к смерти, но и хитрость, жестокость и даже кровожадность. Объявляя себя сверхчеловеками (Германия превыше всего), *немцы нагло попирают существующие законы нравственности*»²⁵.

¹⁹ Эрн, В. Ф. (1991). *Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия*. В В. Ф. Эрн, *Сочинения*. М.: Правда. С. 381.

²⁰ Там же. С. 382, 398.

²¹ Булгаков С. (1915). *Война и русское самосознание: публичная лекция*. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 21–33, 44–49.

²² Там же. С. 28, 33.

²³ Струве П. Б. (1914). *Великая Россия и Святая Русь. Русская мысль*. Кн. 12. С. 177–180.

²⁴ *Альбом героев войны*. 1914. № 5. С. 3–4.

²⁵ Ювачев, И. П. (1915). *Война и вера. Очерки всемирной войны, 1914–1915 гг.* Петроград: Типография Первой Петроградской трудовой артели. С. 166–167.

Тема перерождения немецкой культуры звучала не только в официальном и неославянском дискурсах, но и в научно-популярном. Так, экономист П. И. Лященко в публичной лекции обосновывал тезис о духовной деградации немцев: «Нация, выдвинувшая мыслителей, философов и ученых является в настоящее время разрушительницей памятников и трудов этих мыслителей и ученых. Нация с особенною, чисто римской четкостью разработавшая многие стороны правовых идей и понятий, является разрушительницей этих идей права... *Ценою опустошения будут выкованы новые крупные ценности*²⁶.

Ценностное измерение войны включало прогнозы будущего справедливого мироустройства, которое должно быть обеспечено победой России и ее союзников. Оно включало перспективы всеобщего прочного мира²⁷, создание условий для верховенства права. Как отмечалось в популярной брошюре, «славяне, уничтожив немецкую гидру, принесут земле новую жизнь на началах всеобщего мира»²⁸. «Нужен не худой, а прочный мир, – писал публицист «Московских ведомостей», – который возможен только после окончательной русской победы»²⁹.

Широкое распространение в пропаганде и общественно-политическом дискурсе получил лозунг «Война, которая положит конец войнам» и связанные с ним представления. Победа России и ее союзников рассматривалась в изданиях либерального и демократического толка, общественными деятелями и публицистами как условие установления после войны нового мирового порядка, основанного на «силе права», в противовес «праву силы». Этот базирующийся на принципах мирного сотрудничества народов порядок сделал бы, согласно концепции, невозможными войны в будущем³⁰. Первым и основным условием должен был стать полный разгром Германии и ее союзников и искоренение германского милитаризма³¹.

Крайности официальной патриотической пропаганды вызывали протест трезвомыслящих представителей военной и гражданской сфер, призывавших избегать неуважения к противнику, спекуляций на патриотизме³². Призыв не отождествлять милитаризм и всю немецкую культуру прозвучал 6 сентября 1914 г. в издававшейся в Петрограде немецкой газете *Herold*: «У нас за последнее время

²⁶ Лященко, П. И. (1915). *Экономические причины и условия современной войны: публичная лекция, прочитанная 16 ноября 1914 г. в пользу Томского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам*. Томск: Сибирское товарищество печатного дела. С. 8, 21.

²⁷ *Вестник Европы* (1914). № 8. С. 427.

²⁸ *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сыпина. С. 32.

²⁹ *Московские ведомости* (1914, 22 июля). № 169.

³⁰ *Зауральский край* (1915, 27 марта); *Оренбургская газета* (1914, 9 октября); *Уральская жизнь* (1915, 18 марта); *Уральская жизнь* (1916, 10 апреля); *Оренбургская жизнь* (1914, 21 октября).

³¹ *Уральская жизнь* (1914, 27 июля); *Зауральский край* (1916, 25 декабря).

³² *Вестник кинематографии* (1914, 15 октября). № 100. С. 10; *Отечество* (1914). № 2; *Петроградские ведомости* (1914, 4 (17) сентября). № 199.

вполне отрицательно и с большим презрением судили о немецкой культуре... Не пора ли нам смотреть на немецкий вопрос менее односторонне? Не усвоить ли нам точку зрения англичан, а именно, что нынешнее одичание немецких нравов не есть отличительная черта немецкой культуры, а образовалась благодаря сильному росту отрицательных сторон прусского духа и что поэтому не следует уничтожать Германию, а лишь – преодолеть Пруссию?»³³.

Несмотря на все усилия патриотической пропаганды, русские солдаты, по свидетельствам публицистов 1914 г. и данным современных исследователей (Асташов, 2014, с. 575), были лишены ненависти к противнику. В прессе содержалась информация о гуманном отношении в России к германским военнопленным. Так, в статье «Германские пленные в Москве», опубликованной в «Биржевых ведомостях», говорилось о восторге немецких раненых от обращения с ними в госпиталях, где они находились в тех же условиях, что и русские. «Рассказы о “русских варварах” при соприкосновении с действительностью утратили власть над умами пленных... По их отзывам, лефортовский военный госпиталь может выдержать сравнение с лучшими германскими госпиталями. Русские врачи разговаривают с ними на немецком языке»³⁴. Подобные констатации содержались и в отчете военно-цензурной комиссии при Штабе Казанского военного округа от 27 сентября 1914 г.: «В письмах немецких и австрийских военнопленных говорится, что обращение русских с ними хорошее, что их не обижают и что они не имеют причин на что-либо жаловаться... Они сообщают, что “стараются устроиться на новых местах и заняться каким-либо делом”»³⁵. «Петроградские ведомости» отмечали: «Русские раненые рассказывают о пленных немцах без ненависти. Постоянно слышишь: “Такой же человек!”»³⁶.

Также в прессе обсуждалась тема русофобских настроений в Германии, распространенности там стереотипов «о русских варварах», жестокости казаков и т.п., публиковались рассказы застигнутых войной в Германии русских путешественников об издевательствах над ними «обезумевших немцев»³⁷. Автор статьи «Столетие одного заблуждения», опубликованной в «Петроградских ведомостях», вопрошал: «Неужели десятилетия контактов, общение с русскими на немецких курортах не способствовали познанию русского национального характера?»³⁸. Цитировалась информация из немецкой прессы о том, что Германия готова вместе с Англией, Италией и Францией сдерживать Россию, т.к. это «единственная опасность, угрожающая Европе», «этим сознанием проникнута единодушно вся

³³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1713. Л. 43.

³⁴ Биржевые ведомости (1914, 15 августа). № 14313.

³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 98.

³⁶ Петроградские ведомости (1914, 25 августа). № 190.

³⁷ Биржевые ведомости (1914, 18 июля). № 14258; Биржевые ведомости (1914, 30 июля). № 14281; Биржевые ведомости (1914, 4 августа). № 14292; Биржевые ведомости (1914, 5 августа). № 14293.

³⁸ Петроградские ведомости (1914, 28 августа). № 194.

Германия»³⁹. Как бы в ответ на обвинение в «варварстве» и «нецивилизованности» русских публицист «Московских ведомостей» писал: «Пусть тевтоны мнят себя цивилизаторами, бережно храня всю свою “цивилизацию” в бронированном кулаке. А мы предпочитаем оставаться “дикарями” с нашей любовью ко всему обиженному и страдающему в нашем большом славянском сердце, и с нашей страстью идти на помощь всему угнетенному швабским, тевтонским или иным кулаком»⁴⁰.

Смысл противостояния в войне и современная политика памяти

Концепты, использовавшиеся в 1914 г. общественными деятелями и акторами политики памяти в репрезентации духовного смысла войны, могут быть осмыслены в более широком контексте российской культуры памяти и исторической культуры, а также традиций политического использования прошлого в условиях войн. Столетние юбилеи начала и окончания Первой мировой войны, Революции 1917 г., начала и окончания Гражданской войны стимулировали осмысление проблем истории российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг., его причин, последствий и исторических уроков. В этот процесс были включены как профессиональные историки, так и общественные и государственные деятели. Историки зачастую выступали в качестве медиаторов конфликтных интерпретаций, пытаясь представить в популярном ключе современный историографический консенсус в отношении войны, но актуальные общественные запросы влияли и на характер их участия в политике памяти. В отношении Первой мировой войны главной тенденцией официальной политики памяти стало формирование на материале ее истории патриотического дискурса служения Отечеству, героического нарратива, получившего разнообразные проявления и поддержку негосударственных акторов, в том числе части профессиональных историков. Поскольку необходимость отдать дань памяти героям не подвергалась сомнению, сами юбилейные мероприятия прошли без значимых конфликтов, а в публичном пространстве доминировал и закреплялся героический взгляд на те события (Поршнева, 2020, с. 520). В форматах и дискурсах многочисленных юбилейных коммемораций специалисты отметили воспроизводство в музеях, скульптуре, на страницах газет, в кинематографе материалов и подходов пропаганды столетней давности (Поршнева, 2020; Нагорная, 2014), что было отнюдь не случайно. Воспроизводство героического национального дискурса времен Первой мировой войны имело место и в политике памяти других стран в период юбилейных коммемораций, также подвергаясь критике академического сообщества (Голубинов, 2019, с. 71), отражая феномен «запроса на идентичность», возрождения в условиях глобализации/глокализации национального самосознания и национальных мемориальных нарративов.

³⁹ *Московские ведомости* (1914, 20 июля). № 168.

⁴⁰ *Московские ведомости* (1914, 25 июля). № 172.

Важными темами современного научного, общественного дискурса и политики памяти стали цели России, ее противников и союзников в Первой мировой войне, оценка стратегических замыслов сторон. Данная проблематика приобрела новое звучание в контексте распространения геополитических подходов как в самой политике, так и в научном дискурсе. Так, историк Н.А. Нарочницкая обращает внимание на отражение в современной мировой политике тех же противоречий в отношениях России, Британии и Германии, что существовали в регионах Балкан, Причерноморья, проливов, Балтики накануне и в годы Первой мировой войны. Речь идет о целях «оттеснения России от Балтики, от Черного моря, от региона проливов, которые сегодня, еще и стали военноморскими подступами к главному региону мировых ресурсов, подступами к путям транспортировки углеводородов» (Нарочницкая, 2011, с. 8). Не новая в научном плане идея о главном противоречии между Великобританией как глобальным лидером и бросившей ей вызов Германией, приведшем к Первой мировой войне, осмысливается частью историков и общественных деятелей в геополитическом ключе, с позиций обоснования тезиса о сознательном втягивании России Великобританией в войну с Германией с целью их обоюдного ослабления. Е.Н. Рудая подчеркивает, что Великобритания ставила целью в войне если уж не добиться ослабления России, то поставить ее действия, а главное – результаты этих действий, под свой контроль (Рудая, 2011, с. 115). При этом военно-политическое сотрудничество в рамках Антанты, по мнению автора, не только не сблизило страны, но и довело их отношения до острого кризиса, обусловленного прогрессирующим падением самостоятельной роли России, ослаблением ее военной мощи, усилением экономической зависимости от Англии (с. 116). Ссылаясь на высказывание Э. Грея, Е.Н. Рудая определяет формулу сотрудничества Великобритании с Россией: «Так, чтобы ничего не дать ей взамен». А дозировка помощи во время войны служила, по оценке автора, орудием ослабления России. Революция позволила западным странам забыть о ее жертвенном подвиге и исключить из числа не только победителей, но и участников войны, констатирует историк (с. 117–119). В этом же смысловом контексте следует оценивать высказывание В.Р. Мединского об ошибочности самого вступления в войну: «Вообще наше участие в Первой мировой войне было громадной геополитической ошибкой» (цит. по: Пахалюк, 2017). Следует отметить, что представления о том, что именно Англия втянула Россию в войну вопреки ее интересам, получили распространение в российской армии и обществе в 1916–1917 гг. и особенно широко в условиях революции, после Февраля 1917 г., отражая растущее разочарование в войне и ее целях (Голубев, Поршнева, 2012, с. 126–130, 155–164, 191–196).

Некоторые историки в объяснении замыслов великих держав встают на путь конспирологии, утверждая, что в стремлении не допустить усиления геополитических позиций России Великобритания реализовала в ходе Февральской революции 1917 г. сценарий по целенаправленному разрушению нашей страны (Фурсов, 2012, с. 247–251). При этом авторитетный специалист по российско-британским отношениям Е.Ю. Сергеев на основе анализа документов уреди-

тельно опроверг тезис о британском участии в Февральской революции (Сергеев, 2018). Проблема влияния конспирологических теорий на память о Первой мировой войне рассмотрена в трудах директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова в контексте анализа историографических парадигм, самого феномена исторической памяти, современной информационной ситуации. Ученый не только опровергает конспирологические мифы, но и признает, что теории заговора, получившие достаточно широкое распространение в современных популярных медиа, влияют на память о войне и Революции, на общественное сознание в целом. Несмотря на то, что данные интерпретации не имеют под собой, как отмечает Ю.А. Петров, серьезных научных оснований, они не только получили распространение, но и поддерживаются некоторыми профессиональными историками, вызывая бурные научные дискуссии (Петров, 2017, с. 15–16).

После 2014 г. и 2022 г., в условиях современного геополитического кризиса, в центре исторической памяти и политики памяти вновь оказалась проблема противостояния России и Запада на разных этапах истории, в том числе духовного, ценностного смысла этого противостояния. В популярных ток-шоу («Большая игра», «Право знать», «Кто против», «60 минут» и др.) поднимается тема глубокой обусловленности периодических столкновений в ходе наполеоновского нашествия, Крымской войны, интервенции 1918–1920 гг., Первой и Второй мировых войн⁴¹. Главными причинами этой борьбы представляются различия цивилизационного уклада, ценностных систем, моделей имперского и в целом исторического развития, а порой и имманентная агрессивность Запада по отношению к «Другим». Подчеркиваются отличия российской империи, обеспечившей мирное сожительство народов, от западного колониализма, для которого были характерны беспощадное ограбление колоний и уничтожение их населения. Исходя из этого, борьба с Западом (даже с учетом союзнических отношений с частью представляющих его держав в годы наполеоновских и мировых войн) представляется в аксиологическом ключе. Она репрезентируется как противостояние с порожденным Западом на разных этапах его исторического существования злом, воплощенным в завоевательной экспансии с целью насадить свой нормативный и ценностный порядок, лишив Россию права на самостоятельное развитие. Мотивы защиты Россией истинных христианских ценностей в борьбе в антихристианскими тенденциями Запада и его перерождением, отстаивания приоритета духовного над материальным, представления о главной роли России в реализации этой миссии, широко представленные, как мы показали, в дискурсе 1914 г., отчетливо звучат в современном российском информационном пространстве, отражены в государственной политике⁴².

⁴¹ Так, 10 июля 2023 г. в передаче «Большая игра» режиссер К.Г. Шахназаров назвал современное противостояние России и Запада «третьим походом Запада на Восток», «третьей попыткой после Наполеона и Гитлера».

⁴² Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022, 9 ноября). *Гарант.ру: информационно-правовой портал*. Взято 14 мая 2023, с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

Заключение

Сравнительное исследование дискурса 1914 г., посвященного осмыслению борьбы России в условиях Первой мировой войны, и современного общественно-политического дискурса демонстрирует преемственность ценностных оснований российской идентичности и их репрезентаций в кризисные периоды истории. Оба дискурса отмечены активным использованием акторами государства и общества инструментов политики памяти, исторических представлений и образов прошлого для концептуализации целей России в противостоянии держав, отстаиваемых ею ценностей.

В отличие от дискурса 1914 г., в котором Германия репрезентировалась как воплощение перерождения Запада, а Россия входила в коалицию западных держав, в современном дискурсе позиция всего объединенного Запада представляется как результат перерождения или имманентно присущих ему негативных черт. Сходство и различия дискурсов демонстрируют, на наш взгляд, преемственность интерпретационных схем как проявления устойчивости базовых элементов российской идентичности, а также влияние актуальной политической повестки на репрезентацию образов прошлого в политике памяти. Это отражает и саму природу истории, которая постоянно переосмысливается под влиянием актуального настоящего, «задающего вопросы» прошлому.

Сравнение дискурса 1914 г. и нарративов современной политики памяти показывает, что в фокусе российского сознания на очередном историческом витке находятся проблемы противоборства с порожденным Западом злом, сходно интерпретируемая аксиологическая сущность этого противостояния, вопрос об особой миссии России, ее месте и роли в мире.

Список литературы

1. Артизов, А.Н., Левыкин, А.К., Петров, Ю.А. (Ред.). (2014). *Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: Материалы Международной научной конференции (30 сентября – 3 октября 2014 г., Москва)*. М.: ИРИ РАН.
2. Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Асташов, А.Б. (2014). *Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность*. М.: Новый хронограф.
4. Голубев, А.В., Поршнева, О.С. (2012). *Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн*. М.: Новый хронограф.
5. Голубинов, Я.А. (2019). Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства. В К.А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом* (Вып. 2, с. 69–72). М.; СПб.: Нестор-История.
6. Лубский, А.В. (2016). Цивилизационный дискурс в условиях глокализации. *Философия права*, (2), 65–69.

7. Малинова, О.Ю. (2009). Первая мировая война и переопределение «Запада»: тема Европы («Запада») в дискурсе о коллективной идентичности России начала XX в. В И.И. Глебова (Ред.), *Труды по руссееведению* (Вып. 1, с. 205–236). М.: ИНИОН РАН.
8. Нагорная, О.С. (2014). Музеализация Первой мировой войны в Германии и России: Юбилейные выставки между героикой и гуманизмом. *Вестник Пермского университета. Серия: История*, (4), 37–43.
9. Нарочницкая, Н.А. (2011). Война, смертельно опасная для России. В Е.Н. Рудая (Авт.-сост.), *Забывтая война и преданные герои* (с. 7–20). М.: Вече.
10. Пахалюк, К.А. (2017). Первая мировая война и память о ней в современной России. *Неприкосновенный запас*, (1). Взято 20 мая 2023, с <https://magazines.gorky.media/nz/2017/1/pervaya-mirovaya-vojna-i-pamyat-o-nej-v-sovremennoj-rossii.html>
11. Петров, Ю.А. (2017). Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции. В Ю.А. Петров (Ред.), *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура* (Т. 1, с. 12–26). М.: Политическая энциклопедия.
12. Поршнева, О.С. (Ред.). (2020). *Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев*. М.: Политическая энциклопедия.
13. Репина, Л.П. (2011). *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: Кругъ.
14. Рудая, Е.Н. (2011). «Русский капкан» для британской внешней политики после Первой мировой войны. В Е.Н. Рудая (Авт.-сост.), *Забывтая война и преданные герои* (с. 114–121). М.: Вече.
15. Русакова, О.Ф. (2023). Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России. *Дискурс-Пи*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32
16. Сергеев, Е.Ю. (2018). Российская революция 1917 г. в общественном дискурсе Великобритании: от эйфории к разочарованию и страху. *Исторический вестник*, 23, 176–191.
17. Фурсов, А.И. (2012). Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии. В П.П. Марченя, С.Ю. Разин (Ред.), *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории* (с. 220–263). М.: АПР.
18. Davis, B. (2003). Experience, identity, and memory: The legacy of World War I, *The Journal of Modern History*, 75(1), 111–131. <http://dx.doi.org/10.1086/377750>
19. Jelavich, P. (1999). German culture in the Great War. In A. Roshwald, & R. Stites (Eds.), *European culture in the Great War: The arts, entertainment and propaganda, 1914–1918* (pp. 32–57). Cambridge: Cambridge University Press.
20. Petrone, K. (1998). Family, masculinity, and heroism in Russian war posters of the First World War. In B. Melman (Ed.), *Borderlines. Gender and identities in war and peace, 1870–1930* (pp. 95–120). New York: Routledge.

21. Wohl, R. (1979). *The generation of 1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

1. Artizov, A.N., Levykin, A.K., & Petrov, Yu.A. (Eds.). (2014). *Rossiya v gody Pervoy mirovoj vojny. 1914–1918: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (30 sentyabrya – 3 oktyabrya 2014 g., Moskva)* [Russia during the First World War. 1914–1918: Proceedings of the International Scientific Conference (September 30 – October 3, 2014, Moscow)]. Moscow: IRI RAS.
2. Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Astashov, A.B. (2014). *Russkiy front v 1914 – nachale 1917 goda: voyennyi opyt i sovremennost'* [The Russian Front in 1914 – the beginning of 1917: Military experience and modernity]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Davis, B. (2003). Experience, identity, and memory: The legacy of World War I, *The Journal of Modern History*, 75(1), 111–131. <http://dx.doi.org/10.1086/377750>
5. Fursov, A.I. (2012). Narod, vlast' i smuta v Rossii: razmyshleniia na poliakh odnoi diskussii [People, power and turmoil in Russia: Reflections on the margins of a discussion]. In P.P. Marchenya, & S.Yu. Razin (Eds.), *Rossii i revoliutsiia: proshloe i nastoiashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii* (pp. 220–263) Moscow: APR.
6. Golubev, A.V., & Porshneva, O.S. (2012). *Obraz soiuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novyy khronograf.
7. Golubinov, Ya.A. (2019). Stoletie Pervoi mirovoi voyny v Velikobritanii i izuchenie konflikta v shkolakh korolevstva [Centenary of the First World War in Great Britain and the study of conflict in the schools of the Kingdom]. In K.A. Pakhaliuk (Ed.), *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* (Iss. 2, pp. 69–72). Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
8. Jelavich, P. (1999). German culture in the Great War. In A. Roshwald, & R. Stites (Eds.), *European culture in the Great War: The arts, entertainment and propaganda, 1914–1918* (pp. 32–57). Cambridge: Cambridge University Press.
9. Lubsky, A.V. (2016). Tsivilizatsionnyi diskurs v usloviakh globalizatsii [Civilizational discourse in the context of globalization]. *Filosofia prava*, (2), 65–69.
10. Malinova, O.Yu. (2009). Pervaia mirovaia voina i pereopredelenie “Zapada”: tema Evropy (“Zapada”) v diskurse o kollektivnoi identichnosti Rossii nachala XX v. [The First World War and the redefinition of the “West”: The theme of Europe (“West”) in the discourse on the collective identity of Russia in the early

twentieth century]. In I. I. Glebova (Ed.), *Trudy po rossiavedeniiu* (Iss. 1, pp. 205–236). Moscow: INION RAN.

11. Nagornaya, O.S. (2014). Muzealizatsiia Pervoi mirovoi voiny v Germanii i Rossii: Iubileinye vystavki mezhdru geroikoi i gumanizmom [Remembering First World War in Germany and Russia: Commemorative exhibitions between heroism and humanism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, (4), 37–43.

12. Narochitskaya, N.A. (2011). Voyna, smertel'no opasnaia dlia Rossii [A war that is deadly for Russia]. In E.N. Rudaya (Ed.), *Zabytaia voyna i predannye geroi*. (pp. 7–20). Moscow: Veche.

13. Pakhaliuk, K.A. (2017). Pervaia mirovaia voyna i pamiat' o nei v sovremennoi Rossii [The First World War and its memory in modern Russia]. *Neprikosnovennyi zapas*, (1). Retrieved May 20, 2023, from <https://magazines.gorky.media/nz/2017/1/pervaya-mirovaya-vojna-i-pamyat-o-nej-v-sovremennoj-rossii.html>

14. Petrone, K. (1998). Family, masculinity, and heroism in Russian war posters of the First World War. In B. Melman (Ed.), *Borderlines. Gender and identities in war and peace, 1870–1930* (pp. 95–120). New York: Routledge.

15. Petrov, Yu.A. (2017). Rossiia nakanune Velikoi revoliutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii [Russia on the Eve of the Great Revolution of 1917: Modern historiographical trends]. In Yu.A. Petrov (Ed.), *Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* (Vol. 1, pp. 12–26). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.

16. Porshneva, O.S. (Ed.). (2020). *Voyna, politika, pamiat': Napoleonovskie voiny i Pervaia mirovaia voyna v prostranstve iubileev* [War, politics, memory: The Napoleonic wars and the First World War in the space of anniversaries]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.

17. Repina, L.P. (2011). *Istoricheskaiia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika* [Historical science at the turn of the 21st century: Social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug.

18. Rudaya, E.N. (2011). «Russkii kapkan» dlia britanskoi vneshnei politiki posle Pervoi mirovoi voiny [The “Russian trap” for British foreign policy after the First World War]. In E.N. Rudaya (Ed.), *Zabytaia voyna i predannye geroi*. (pp. 114–121). Moscow: Veche.

19. Rusakova, O.F. (2023). Diskurs gosudarstvennoi politiki pamiatii kak faktor formirovaniia natsional'noi identichnosti sovremennoi Rossii [The discourse of the state policy of memory as a factor in the formation of the national identity of modern Russia]. *Diskurs-Pi*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32

20. Sergeev, E.Yu. (2018). Rossiiskaia revoliutsiia 1917 g. v obshchestvennom diskurse Velikobritanii: ot eiforii k razocharovaniiu i strakhu [The Russian Revolution of 1917 in the public discourse of Great Britain: From euphoria to disappointment and fear]. *Istoricheskii vestnik*, 23, 176–191.

21. Wohl, R. (1979). *The generation of 1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Поршнева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3265-7010>, e-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Information about the author

Olga Sergeevna Porshneva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of Theory and History of International Relations, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3265-7010>, e-mail: o.s.porshneva@urfu.ru
